

УДК 39+398(=511.131)
ББК 63.5(2Рос.Удм) + 82.3(2Рос.Удм)

Пища в современных поминальных практиках удмуртов

Николай Владимирович Анисимов

(Эстонский литературный музей: Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуйзе, д. 42;
Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального
исследовательского центра УрО РАН:
Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4)

Галина Анатольевна Глухова

(Удмуртский государственный университет:
Российская Федерация, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2)

***Аннотация.** В статье рассматривается пищевой код в современной поминальной практике удмуртов, выявляются символика и семантика наиболее значимых блюд и напитков поминальной трапезы, а также действий, совершаемых с ритуальной едой. Акцентируется внимание на приготовлении национальных блюд, способах ритуального подношения и употребления, на локусах отправления пищевых даров и сакральных посредниках. В культуре удмуртов ритуальная пища до настоящего времени остается одной из ключевых составляющих обрядов, направленных на общение с умершими, при этом полевые материалы последних десятилетий свидетельствуют об изменениях, связанных с использованием пищи на поминках. Наряду с принятыми ритуальными блюдами и напитками наблюдается включение в поминальную практику современных видов продуктов, зафиксированы отказ от приготовления некоторых видов традиционных блюд, невыполнение привычных для поминок действий. Трансформационные процессы ведут, с одной стороны, к постепенному угасанию традиции, с другой — к введению в нее канонов православной культуры.*

***Ключевые слова:** удмурты, поминальная обрядность, ритуальные блюда, ритуальные напитки, сакральное пространство, сакральные посредники, пищевой код.*

***Дата поступления статьи:** 23 июля 2020 г.*

***Дата публикации:** 25 сентября 2020 г.*

***Для цитирования:** Анисимов Н. В., Глухова Г. А. Пища в современных поминальных практиках удмуртов // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 3. С. 141–156.*

***DOI:** <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.012>*

В культуре удмуртов в поминальной и коммуникативной практике важным элементом обрядового общения является еда. Считается, что умершим, как и живым, необходимо делать пищевые подношения. Для этого в культуре удмуртов имеется определенный набор специальных блюд и напитков, которые со временем претерпели некоторые изменения, разработана особая система ритуально-

го употребления пищи, а также система действий, символизирующих кормление и умилоствление умершего и покойных предков. В традиции удмуртов по сей день бытуют специальные правила, воспроизводимые в ситуациях контакта с миром мертвых.

Следует отметить, что в современных работах удмуртских ученых рассматриваемая нами тема специально не

анализировалась, имеются лишь отдельные упоминания и/или факты в различных трудах по традиционной культуре удмуртов (см., например: [Христоролюбова 1984; Владыкин 1994; Христоролюбова 1995; Миннихметова 2000; Садилов 2008; Назмутдинова 2012; Христоролюбова 2013; Анисимов 2017; Панина 2019 и др.]).

Полевые исследования последнего десятилетия позволяют говорить о том, что в наше время происходят изменения в традиционном удмуртском пищевом коде в рамках поминальных церемоний. В поминальной трапезе стали использовать продукты из магазина (например, фрукты, кондитерские изделия, спиртные напитки и др.), новые виды блюд (различные салаты). В современном бытовании частные поминки зачастую устраиваются вне дома (в кафе, столовой), что является признаком исчезновения домашнего приготовления поминальных блюд, оформления поминального стола, организации поминок и пр. Кроме того, происходит постепенное упрощение обряда календарных поминок: упразднение или полный отказ от традиционной формы их проведения. Переосмыслению подвергаются и различные действия с пищей, включенные в поминальную коммуникацию. Например, в тех ареалах проживания удмуртов, где заметно влияние православия, фиксируются факты постепенного или полного угасания обряда поминального угощения умерших — *куяськóн’а* (бросание/отдаривание). Как показали анализ литературы и полевые исследования, причинами трансформации послужили следующие факторы:

Деятельность Русской православной церкви. Ее представители как в своем приходе, так и через СМИ ведут работу по искоренению сохранившихся явлений традиционного поминания покойных: объясняют основы православного поведения, христианских канонов поминания, критикуют удмуртские практики, в частности, пищевого подношения умершим (см., например: [Шкляев 2013; Шкляев 2015; Валентина 2016; Шкляев 2016]). В некоторых ситуациях Церковь запрещает проводить традиционные удмуртские ритуалы: например, совершать обряд жертвоприношения животного *йырпыд сётóн* (букв.: отдавание головы и ног <животного>) покойному родителю, исполнять песни на похоронах и поминках.

Естественное угасание традиции. Под влиянием реалий современного мира традиционные устои подвергаются постепенному переосмыслению, теряется ритуальная преемственность, возникают и внедряются новые каноны вместо старых правил. В итоге основательно меняется представление о том, как нужно поминать умерших. Сами информанты отмечают, что они отказываются от *куяськóн’а*, поскольку: а) недостаточно или плохо знают традиционные правила; б) боятся нарушить прежние устои и тем самым навлечь гнев умершего/предков; в) священник запрещает проводить нехристианские, прежние удмуртские поминальные обряды. А. О. Филиппова приводит по этому поводу любопытные сведения, зафиксированные у удмуртов села Сарсак-Омга Агрызского района Татарстана: «Интересен тот факт, что уже на протяжении двух лет в деревне проявляют нежелание по поводу проведения как *куяськóн’а*, так и *кельтйськóн’а*, считая их абсолютно бессмысленными, по причине отсутствия таковых в православной религии. Но до настоящего времени решительных действий со стороны негодующих не наблюдалось, и, можно предположить, по той причине, что остерегаются проклятия своих усопших предков, которые, в свою очередь, служили языческому культу» [Филиппова 2009, 49].

Ясно, что эти процессы довольно сложные: часто даже сами носители культуры не до конца осознают, каких канонов и какой традиции (православной, традиционного удмуртского мировоззрения) они придерживаются. Во всяком случае, приведенные примеры показывают состояние культуры удмуртов в начале XXI в.

В настоящее время существуют отдельные деревни и ареалы, где до сих пор бытуют традиционные удмуртские поминальные практики. Однако нужно иметь в виду, что в этих местах есть и свои локальные/внутрилокальные особенности проведения обрядов.

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть три аспекта пищевого кода поминальных церемоний удмуртов: 1) виды и способы приготовления блюд; 2) способы ритуального подношения и употребления; 3) локусы отправления пищевых подношений и сакральные посредники. Источниками исследования послужили полевые материалы авторов статьи, собранные в последнее десятилетие преимущественно

у южных и закамских удмуртов, а также сведения, опубликованные в научной литературе на рубеже XX–XXI вв.

ВИДЫ И СПОСОБЫ ПРИГОТОВЛЕНИЯ БЛЮД

Обязательными блюдами на традиционном удмуртском поминальном столе являются куриное яйцо (*курегпуз, кукэй*), куриный суп (*шывд*), каша (*жжук*), перепечи, табани, кокроки (*тоторот/тоторок/тотоб/нырб*), блины (*мильым*), блины с ячневой кашей на гусином бульоне (*жжукб мильым*), домашний квас (*сюкась*), пиво (*сур*), кумышка.

Для приготовления горячего блюда (супа или каши) особым образом режут курицу или петуха: птицу кладут головой в направлении севера, запада, низовья местной реки или кладбища и словесно обращаются в адрес умершего либо предков: «*Персянос-персятос, тий понна чогисько. Бер кылемзэ жеч возелэ*» (Бабушки-дедушки, для вас рублю <петуха/курицу>. <За> оставшимися хорошо присматривайте) (Зап. от Раисы Ивановны Петуховой, 1956 г.р., д. Старая Салья, Киясовский р-н, УР. Соб. Н.В. Анисимов. 2018 г.) [ПМ НА 2018].

Считается, что во время поминок в обязательном порядке нужно совершить жертвоприношение с кровью — *вирб сётонб* (нужно дать кровь <жертвы>) / *вирб каронб* (нужно вызывать кровь / совершать <жертвоприношение> с кровью) / *вир поттонб* (нужно пустить кровь). По сведениям В.Е. Владыкина, «...удмурты считают, что душа животного находится в его крови, поэтому и посвящают кровь; духу умершего отдается душа жертвы» [Владыкин 1994, 165]. Кровь жертвы льют на землю, в некоторых традициях немного крови льют в огонь. Удмурты Шарканского района Удмуртии считают, что она должна пролиться в землю [ПМ ГГ 2018]. В селе Уразгильды Татышлинского района Башкортостана небольшим количеством крови жертвы принято три раза брызнуть в огонь [ПМ НА 2019]. Так, в канун весенних поминок (*тулыс кисьтонб*)

женщина-информант, зарубив курицу, собрала в ложку немного крови и плеснула движением руки от себя на раскаленные угли, которые она заранее достала на железном совке из топящейся печи бани, и обратилась к умершим: «*Тулыс кисьтонтэк, сйзыл кисьтонтэк кисьтон медам карытэ. Таза мед карозы*» (До наступления весенних поминок, осенних поминок, чтобы поминки справлять не пришлось (букв.: пусть <предки> поминки не <вынудят> провести). Пусть <нас> здоровыми сделают) (Зап. от Зои Менкаировны Рияновой, 1964 г.р., с. Уразгильды, Татышлинский р-н, РБ. Соб. Н.В. Анисимов. 2019 г.) [ПМ НА 2019].

В некоторых локальных традициях голову и ноги курицы/петуха не варят, их оставляют для подношения покойным¹.

У южных удмуртов кровь гусей/уток, как правило, собирают в одну емкость, которую впоследствии используют для приготовления кровяной каши (*вирын/вирен жжук*) и совершения обряда *куяськбн*. Однако имеется информация, что в некоторых ареалах кашу на поминки готовить не принято, поскольку она считается блюдом, связанным с молитвенным обращением к верхним богам [Христолюбова 1995, 109].

В последнее время на юге Удмуртии зафиксированы факты, когда вместо курицы/петуха в качестве жертвы используется сырое куриное яйцо [ПМА 2017–2019; Христолюбова 2013]. Жертвоприношение имитируется: яйцо «режут» ножом до тех пор, пока скорлупа не треснет, или просто раскалывают с помощью ножа со словами: «*Тани, сизыым уйезлы курег чогисько*» (Вот, на седьмую ночь курицу рублю) (Зап. от Натальи А. Андрияновой, 1935 г.р., д. Карамас-Пельга, Киясовский р-н, УР. Соб. Н.В. Анисимов. 2018 г.) [ПМ НА 2018].

Как отмечают информанты, сырое куриное яйцо равноценно животному/птице с кровью, поэтому с ним обычай обязательного принесения крови на поминки считается выполненным. Любопытные сведения относительно использования сырых яиц

¹ Курица/петух в культуре удмуртов считается лишь заупокойной жертвой, курятину не используют, например, во время молений и свадьбы. Куриные ноги не разрешают есть молодым, считая, что их руки и ноги могут скрючиться так же, как куриные ноги, или что их жизнь не будет успешной, поскольку курица гребет назад. А к озлобленному, гневающемуся человеку могут обратиться: «*Йырыд ке кур, си курег йыр*» (Если гневаешься, ешь куриную голову), что в народной культуре может выступать как некая превентивная форма общения с асоциальной личностью.

у закамских удмуртов в коммуникации с миром мертвых приводит Р.Р. Садиков: «В деревнях Старокалмиарово Татышлинского района <Башкирии. — *Здесь и далее прим. авт.*> и Калмиар Куединского района <Пермского края> бытует интересный обряд, совершаемый во время похорон. В первой из упомянутых деревень по пути на кладбище, когда везут гроб, за полевыми воротами в поле закапывают яйцо и треугольный лоскут ткани (*сеп*) и просят, чтобы *Лул бастийсь* (ангел смерти) дал место для покойного. В д. Калмиар, после того как похоронная процессия проходит полевые ворота, кладут около них яйца, чтобы умершего приняли хорошо на том свете» [Садиков 2008, 173]. Как показали последние полевые исследования, данный обычай у удмуртов с. Старокалмиарово бытует по сей день.

Во время проведения сорочин (*нильдён/ ньяльдён уй* — букв.: сороковая ночь), годин (*ар уй* — букв.: годовая ночь) и обряда *йыр-пыд сётон* (отдавание головы и ног <животного>) учитывается гендерный аспект: для умершей женщины приносят в жертву овцу, телку, корову, лошадь, для покойного мужчины — барана, быка, коня. У северных удмуртов (Глазовский р-н Удмуртии) соблюдали при этом, «чтобы на поминование умерших родителей и предков (*вирó*) баран не был кастрированным (*кык пол, пе, виро өвёл сётон* “дважды, де, кровь нельзя пускать”») [Волкова 2001, 26]. По словам информантов из д. Асавка Балтачевского района Башкирии, при закалывании жертвенного животного небольшое количество крови принято так же лить в огонь, как в случае с домашней птицей. Перед тем как заколоть животное/птицу, совершают следующий ритуал: руками касаются каравай/хлеба, лежащего на столе, и, обращаясь к Богу и предкам, просят приумножить оставшуюся скотину. После этого животное ведут к месту забоя, к его шее прикладывают соломинку/травинку так, что сначала режут ее, потом животное (Зап. от Надежды Шамсияхметовны Хатиповой, 1946 г.р., д. Асавка, Балтачевский р-н, РБ. Соб. Н.В. Анисимов, Р.Р. Садиков, Е. Тулуз. 2016 г.) [ПМ НА 2016]. Данное действие выполняется с целью избежать греха убийства живого существа и в качестве предохранительной меры: «*Мон пудо-ез уг вандйськы, куроез вандйсько*» (Я животное не режу, солону режу) (д. Байшады,

Бураевский р-н, Башкирия; устное сообщение Т. Миннихметовой, 2019 г.). По воспоминаниям информанта из Балтачевского района Башкирии, ее отец некоторые внутренние органы жертвенного животного относил на кладбище (Зап. от Надежды Шамсияхметовны Хатиповой, 1946 г.р., д. Асавка, Балтачевский р-н, РБ. Соб. Н.В. Анисимов, Р.Р. Садиков, Е. Тулуз. 2016 г.) [ПМ НА 2016].

После того как сварится мясо, его делят от костей и подают на стол. Череп и ноги животного оставляют для ритуального подношения. На мясном бульоне жертвенного животного готовятся поминальные суп и каша.

Непременным блюдом считается горячий мясной суп с домашней лапшой (*тыкмачён шыд*) или крупой (*кенъырэн шыд*), который, в зависимости от традиции, готовится в первый день частных поминок или на второй день, о чем свидетельствует также иное название второго дня, бытующее у северных и закамских удмуртов — *пось шыд / пось шыд сиён* (горячий суп / поедание горячего супа). У некоторых групп закамских удмуртов «этот суп принято есть только в своем родственном кругу (Калтасинский, Татышлинский районы <Башкирии>) или даже отдельной семьей (д. Байшады Бураевского района <Башкирии>)» [Миннихметова 2000, 36]. Иногда на мясном бульоне могут сварить кашу. Удмурты Шарканского района Удмуртии во время обряда *вирó / вирó сётон* на мясном бульоне жертвенного животного варят кашу из ячневой/пшеничной крупы с горохом [ПМ ГГ 2018].

Важным блюдом поминального стола считается вареное куриное яйцо. Перед началом трапезы его очищают от скорлупы, при помощи ниток разрезают на несколько долек и ставят на стол. В Татышлинском районе Башкирии в процессе разрезания участвует нечетное количество человек (обычно трое), при этом они накидывают/надевают на себя верхнюю одежду и головные уборы [ПМ НА 2019]. Сейчас данная традиция в большинстве мест проживания удмуртов постепенно забывается или вовсе исчезла. С ее бытованием удалось столкнуться в 2019 г. одному из авторов статьи во время сорочин и весенних поминок в удмуртских поселениях Татышлинского района Башкирии (сёла Вязовка, Петропавловка,

Разрезание куриных яиц при помощи нитки во время весенних поминок (с. Старокальмиярово Татышлинского р-на Башкирии). Фото Н. В. Анисимова, 2019 г.

Cutting eggs with a thread during the spring commemoration feast (Starokalmiyarovo Village, Tatyshly District, Bashkortostan). Photo by N. V. Anisimov, 2019

Старокальмиярово, Уразгильды). Участники обряда трапезу начали с поедания таких яиц. Разрезание вареных яиц с помощью ниток объясняется тем, что использование острых железных предметов может привести к увечьям у незримо присутствующих духов предков. У закамских удмуртов, «когда кушают, хлеб отламывают руками, а яйца разбивают, ударяя ими в лоб друг другу, чистят и делят на куски с помощью ниток» [Миннихметова 2000, 35]. При использовании ножа участники обряда обращаются к умершим, чтобы те были осторожны: «Кидэс-пыддэс саклалэ» (Свои ноги-руки берегите) (Зап. от Индиры Шайсламовой, 1971 г.р., д. Петропавловка, Татышлинский р-н, РБ. Соб. Н. В. Анисимов, Е. Тулуз. 2019 г.) [ПМ НА 2019].

Во время поминок нужно обязательно готовить еду, о чем говорят устойчивые выражения: *таба зын поттыны* (вызвать запах <раскаленной> сковороды), *таба*

зырдатыны (накалить сковороду), *вэй зын поттыны* (вызвать запах масла), *вэй сурым поттыны* (вызвать <запах> масляного угара). Т. Г. Миннихметова также приводит выражение «*чыжатэм таба зын поттоно*, т.е. развести запах раскаленной сковороды» [Миннихметова 2000, 35]. У закамских удмуртов отмечается запрет на использование свиного, козьего жира и сала, поскольку они считаются не удмуртской пищей — *удмурт сиён өвёл со* [Там же, 35]. Для того чтобы не покалечить «душу» покойника, со дня смерти которого еще не прошел год, накалить сковороду должны не его близкие, а посторонний человек.

Среди традиционных мучных блюд поминального стола можно перечислить *кокроки* (*кокрóк/нырó/когыли́/тоторó/тоторóк/тоторóт*)², *перепечи* (*перепéч*)³, *шаньги*, *табани*⁴, *пирог* с рыбой (*чорыгнянь*), *хлеб*. У удмуртов

² Пирожки из пресного теста с начинкой из гороха, брюквы с маком или капусты.

³ Небольшие круглые лепешки из пресного теста с загнутыми краями, наполненные овощной, грибной или мясной начинкой, разведенной смесью яиц, молока и/или мясного бульона.

⁴ Лепешки из кислого теста, к которым иногда в качестве подливы готовят мучной соус (*зырёт*), конопляный соус (*кенэм зырёт*), конопляную сбиону (*туём кенэм*) или соус из жареного лука, растопленного сливочного масла и воды (*сугон ву*).

Проткнутые вилкой кокроки с начинкой из гороха (*кѳжы нырѳ*) (с. Старокальмиярово Татышлинского р-на Башкирии). Фото Н. В. Анисимова, 2019 г.

Kokroks (pirogi) stuffed with peas (*kyozhy nyro*) poked with a fork (Starokalmiyarovo Village, Tatyshly District, Bashkortostan). Photo by N.V. Anisimov, 2019

Закамья также принято готовить барсак⁵, у удмуртов Киясовского района Удмуртии — *бискылй/кѳмѳч* (корж из ячневой муки). В Шарканском районе Удмуртии перелечи называют *пересъмѳн* (букв.: старение/старость), что прямо указывает на их ритуальную особенность. По сведениям Т. Г. Миннихметовой, у удмуртов Закамья «на поминки принято готовить изделия из пресного теста» [Там же, 35]. В с. Старокальмиярово Татышлинского района Башкирии информанты продемонстрировали нам проткнутые вилкой кокроки с начинкой из гороха (*кѳжы нырѳ* — букв.: гороховые «с носиком») и сообщили, что отверстия подчеркивают значимость блюда, указывают на его содержимое и выполняют практическую функцию — помогают начинке равномерно пропечься. По словам некоторых информантов, до начала приготовления поминальных блюд они обращаются к умершему/предкам со словами, что готовят в его/их честь, и просят, чтобы еда получилась знатной.

По сведениям Т. Г. Миннихметовой, «...кушанья, приготовленные для праздничного стола, по обычаю, не позволялось ставить на поминальный, и наоборот» [Там же, 19]. Во время удмуртского застолья первый кусок приготовленной еды принято подносить умершим. Такой ритуал выполняется и в обычные дни, не связанные с поминовением предков. Традиционно выпечка готовилась в русской печи, но сейчас из-за ее отсутствия используют газовые и электроплиты. Любопытные сведения относительно приготовления мучных изделий получены у удмуртов Закамья: «Изделия эти для выпекания расставляются в печи, начиная с переднего угла, в порядке, противоположном солнечному движению. Считается хорошей приметой, еслистряпня не слишком удалась» [Там же, 35–36].

Частым блюдом являлась пареная брюква (*паронкѳ*), которая, по воспоминаниям старожилов, заменяла им сладости. Сладким угощением считался также калиновый кисель (*шу кисѳль*) из ржаной

⁵ Заимствованное у тюрков блюдо *баурсак* (баш. *бауырһак*; тат. *бавырһак*). Готовится из муки, яиц и соли. Формируются небольшие палочки, которые обжариваются во фритюре.

муки. У закамских удмуртов «популярным лакомством являются *кенэм вöй* — конопляное масло, и *етин вöй* — льняное масло» [Там же, 35].

Распространенные напитки для традиционного поминального стола — это домашний квас (*сюкáсь*) и солодовый квас (*чужьмён сюкáсь*), пиво (*сур*), кумышка (*удмурт аракы/винá* — удмуртский(-ое) самогон/вино, *асьмё пöзътэм* — букв.: сваренное самими, *самогón, арак(-ы)* — самогон / домашнее вино / домашняя водка), настойка. В настоящее время обычай производства домашних напитков постепенно исчезает, их заменяют покупные аналоги. Лишь в некоторых семьях или — редко — в отдельных поселениях еще готовят домашний квас, пиво, настойки и кумышку. Например, в Татышлинском районе Башкирии до сих пор на поминки варят домашнее пиво на основе травяного чая. Что касается кумышки, то можно отметить интересный факт: на поминки (сороковой день или години) человека, не успевшего при жизни создать семью, выносят емкость со спиртным, которая считается «свадебным бочонком» (*сюán бекчё*), и угощают всех присутствующих. Согласно народным поверьям удмуртов, для каждого человека в течение жизни необходимо совершить обряд «выноса бочонка с кумышкой» (*бекчё поттён / бекчё сектáн*); невыполнение этой традиции влечет за собой осуждение со стороны деревенского сообщества. В некоторых случаях пожилые заранее готовят кумышку для своих поминок (*ватён винá / кисьтён винá* — кумышка для похорон / кумышка для поминок), оставляют ее в укромном месте и сообщают о месте ее нахождения одному из близких. На поминки родственники выносят это спиртное и, угощая присутствующих, сообщают, что эта кумышка была приготовлена самим покойным. В Татышлинском районе Башкирии существует обычай во время поминок обязательно пить чай (*кисьтён чай/чáй* — поминальный чай) или достаточно просто его пригубить. По воспоминаниям информанта из д. Петропавловка указанного района, взрослые просили детей хотя бы попробовать чай, чтобы умершие остались довольными (Зап. от Владимира

Васильевича Шайсламова, 1967 г.р. Соб. Н. В. Анисимов. 2019 г.) [ПМ НА 2019]. Т. Г. Миннихметова отмечает, что это поздняя заимствованная от татар и башкир традиция, датируемая серединой XX в., «до этого времени чай в качестве обрядового напитка не употреблялся» [Миннихметова 2000, 37]. Поминальный стол пополняется также едой, которую приносят с собой участники обряда. В настоящее время это в основном покупные продукты. Данное действие является некой формой общественной помощи (*вемё*). Впоследствии они используются для поминального подношения умершему/предкам — *куяськón’а*. После проведения поминок излишек еды отдают домашним животным, а алкоголь перегоняют. Ее запрещается отдавать или дарить участникам обряда. Считается, что если человек берет себе оставшиеся продукты, то навлекает на себя несчастья, как бы переносит горестную трапезу к себе.

Как отмечают информанты, поминальный стол прежде⁶ был не таким разнообразным и обильным, как сейчас. Некоторые из них говорят, что в настоящее время он больше напоминает свадебный/праздничный стол из-за разнообразия блюд.

СПОСОБЫ РИТУАЛЬНОГО ПОДНОШЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ

Особым правилам подчиняются также действия с поминальными блюдами. Вкратце рассмотрим некоторые из них.

Оформление поминального стола. Для проведения поминальных церемоний, по традиции южных и закамских удмуртов, накрывают стол для трапезы и отдельный «столик» для умерших. Для каждого из них существуют свои правила сервировки. На столе для живых особо выделяется торцовая сторона, расположенная на противоположном конце от красного угла, которая служит локусом для подношения еды и питья покойному и совершения обряда *куяськón* (см.: [Владыкина 2009]). Данный ритуал состоит в следующем: небольшую часть приготовленной еды и принесенных гостями угощений крошат в емкость, туда выливают небольшое количество алкогольных напитков.

⁶ Разграничивая прошлое и современное словом «прежде», информанты имеют в виду свое детство и молодость, т. е. середину и конец XX в.

Оставленные на дереве емкость чумон и кости головы и ног жертвенного животного (д. Карамас-Пельга Киясовского р-на Удмуртии). Фото Н. В. Анисимова, 2017 г.

The *chumon* container and the sacrificial animal's bones (the head and legs) are left on a tree (Karamas-Pelga Village, Kiyasov District, Udmurtia). Photo by N. V. Anisimov, 2017

О специальном назначении торца говорит и устойчивое выражение — *жэок пумэ пуктйськён* (подношение на край/торец стола). В наше время, например, в южных районах Удмуртии еду и напитки для покойного члена семьи принято ставить на край стола до истечения сорокового дня, а иногда до истечения года после смерти. По сведениям информантов, каждый день в суп/кашу, предназначенный (-ую) для умершего, нужно окунать ложку и класть ее рядом с тарелкой, без этого душа умершего «не может питаться». На этом же краю стола участники поминок могут оставлять принесенные с собой продукты и алкоголь. По словам информанта из д. Старые Какси Можгинского района Удмуртии, прежде чем положить продукт на край стола, нужно его разломить и просить умерших угоститься, иначе они его не смогут есть (Зап. от Евдокии Ивановны Ширшиной, 1931 г.р. Соб. Н. В. Анисимов. 2014 г.) [ПМ НА 2014]. В любой другой ситуации использование этой части стола табуируется. Для умершего/предков внутри дома организуется специальное место для подношений, которое располагается в противоположном от красного угла пространстве дома, обычно за матицей, рядом с печью.

У южных удмуртов во время частных поминок на специальный столик, стул или скамейку/лавочку ставят несколько глубоких мисок (небольших тазиков): одна предназначается для покойного, туда заранее кладутся куриные/петушиные ноги и голова; другая — для предков, туда позднее крошится поминальная пища; в третью кладут часть от принесенных пищевых даров, которые потом используют во время обряда *куяськён*. У удмуртов Закамья место поминального подношения могут организовывать на стуле или перед устьем печи, где располагают сковороду, тарелку с угощением для умершего и чашку чаю. В этой традиции один из старших членов семьи берет со стола понемногу от каждого вида продуктов и переходит к месту для поминального подношения (*куяськён/пуктйськён*), чтобы совершить обряд. По воспоминаниям информантов из Киясовского р-на Удмуртии, прежде в день смерти человека изготавливали небольшое корыто *куяськён тусь* (поминальное корыто), куда потом крошили еду для умершего, а после годовых поминок его раскалывали (Зап. от Надежды Л. Атяевой, 1965 г.р., д. Кады-Салья, Киясовский р-н, УР. Соб. Н. В. Анисимов. 2018 г.) [ПМ НА 2018]. Ритуальной посудой для крошения поминальной пищи служит

также конусообразная емкость *чумон*, которую раньше делали из бересты или липовой коры, а в настоящее время — из картона или плотной бумаги. В 2017 г. в д. Карамас-Пельга Киясовского района Удмуртии во время обряда *йыр-пыд сётон* (см. выше) эту емкость с едой и костями жертвенного животного повесили на ветку дерева рядом с кладбищем, на котором деревенские жители обычно оставляют поминальные подношения.

По воспоминаниям информанта из д. Карамас-Пельга, в их селении придерживаются особой традиции оформления места поминального подношения: самая близкая к двери миска (таз) предназначается для предков, вторая — для конкретных недавно умершего, а в третью кладут принесенные продукты (Зап. от Василисы Павловны Камашевой, 1936 г.р. Соб. Н.В. Анисимов. 2018 г.) [ПМ НА 2018]. На краю одной из этих емкостей, чаще второй или третьей миски, для покойного закрепляют зажженную восковую свечу (*сюсьтыл*)⁷, «чтобы душа умершего в ином мире ходила при свете» (*люгытгы мед ветлоз*). В отдельных случаях свечу ставят в стопку или чашу с зерном, крупной либо солью, иногда втыкают в мякиш хлеба, а рядом располагают емкость для спиртного. Ставится также тарелка с горячим супом на курином бульоне, чашка чая, иногда домашнего кваса (*сюкась*). В традиции удмуртов с. Старокальмиярово и д. Петропавловка Татышлинского района Башкирии во время весенних поминок блюда и продукты раскладывают на столе по кругу. Кроме того, в этой местности во время похорон и поминок принято класть на стол лук (*сугон*), что информанты объясняют «законами» потустороннего мира: «*Асьмен тани келян нунал луэ, соослэн вордйськон нунал луэ. Соослэн толалтэ, асьмен гужем. Соослэн ваньмыз мукет. Соослэн курыт ке, асьмелэн чексыт, соослэн чексыт ке, асьмелэн курыт. Соин сугон поно ни кысьтон дыръя жокь вылэ*» (У нас вот <день похорон> днем проводов является, у них днем рождения становится. У них зима, у нас лето. У них все по-другому. Если у них горькое, у нас сладкое, если у них сладкое, у нас горькое. Поэтому во время поминок лук кладут уж на стол) (Зап. от Феодосьи Васильевны

Зидигановой, 1959 г.р., и Владимира Васильевича Шайсламова, 1967 г.р., д. Петропавловка, Татышлинский р-н, Башкирия. Соб. Н.В. Анисимов, Е. Тулуз. 2019 г.) [ПМ НА 2019].

По сведениям информантов из с. Шаркан Удмуртии, на сорочинах должно присутствовать сорок человек. Если участников поминальной трапезы меньше, то на столе все равно надо разложить ложки для указанного количества гостей или в этот день / последующие дни раздать сладости любым встречным / подать милостыню [ПМ ГГ 2019].

Употребление и подношение. Во время ритуального кормления умерших важное место уделяется манипуляциям с пищей, что явно отражается и в номинации поминок *кысьтон* (от глагола *кысьтыны* — 1) лить/проливать/вылить/выплеснуть; 2) ссыпать/просыпать/высыпать) и основного поминального действия *куяськён* (от глагола *куяськыны* — бросать(-ся), разбрасывать(-ся) / *пуктйськён* (от глагола *пуктйськыны* — подносить, преподнести, раскладывать) / *чёлтйськён* (от глагола *чёлтйськыны* — сыпать) / *тырён* (от глагола *тырыны* — ставить, класть). По мнению фольклористов, в основу названия поминального обряда удмуртов легла конкретная акция, исторически доминировавшая в виде питья напитков (подробно см.: [Владыкина, Глухова 2011, 74–75; Владыкина 2013, 33]).

Особая логика действий гарантирует успешность коммуникации. Нередко приходилось записывать рассказы информантов о том, что покойные снились им с упреком о неверно выполненном жертвенном поминании. По словам информантов, основные действия, связанные с миром мертвых, всегда должны иметь противоположную направленность. В связи с этим, принося жертву предкам, пищу крошат и бросают движением от себя, аналогичным образом высыпают/прокидывают емкости с пищевыми дарами и льют напитки — *ки сьёрланы*. Однако у южных удмуртов для недавно умершего человека до истечения годовых поминок эти действия выполняют в обычном направлении. Связано это с представлением о том, что до годин душа покойного незримо обитает в этом мире и только после

⁷ Прежде помимо восковых свеч использовали и стеариновые (*кёйтыл*).

Подношение пищевых даров во время весенних поминок (*тулыс кисьтён*) (с. Уразгильды Татышлинского р-на Башкирии). Фото Н. В. Анисимова, 2019 г.

Offering food gifts during the spring commemoration feast (*tulyis kis'ton*) (Urazgildy Village, Tatyshly District, Bashkortostan). Photo by N. V. Anisimov, 2019

переходит в мир мертвых. В направлении «против солнца» выполняются действия, обращенные в иной/чужой мир и, вероятно, в какой-то мере нацеленные на отстранение и отчуждение объекта/субъекта ритуала от мира живых. Этого же правила придерживаются при угощении и употреблении спиртного в контексте поминовения усопших: присутствующих угощают по кругу против движения солнца (*шундылы пумит(-ь)/пужит(-ь)*).

Как упоминалось выше, при подношении пищи запрещается использовать нож и прочие острые предметы, ее надо ломать и крошить руками или, например, резать ниткой. Немаловажная роль отводится словесным формулам, которые адресованы умершему/предкам и вместе с выполняемым действием должны транспортировать дары живых из этого мира в потусторонний. По мнению некоторых информантов, при произнесении текста нужно быть предельно внимательными, чтобы не упустить

важные элементы структуры вербальной формулы, в том числе следующие: *чекé/чөкí/чөлкé*, *пересьёс* (чекé/чөкí/чөлкé⁸, старики), *азяд/-ы мед усёз* (перед тобой/вами пусть упадет (в значении предстанет в мире мертвых)), *иняз мед мынбз* (в пользу пусть пойдет), *кйяд/-ы-пыдэд/-ы кут/-элэ/басьты/-элэ* (в свои руки-ноги прими/-те). Также необходимо поименно называть тех, кому адресованы дары и жертвы, и/или в обращении отмечать социальный/половозрастной статус умершего по отношению к коммуниканту. Считается, что в противном случае подношения окажутся перед покойным в мире мертвых, но он не будет знать, кому они адресованы, и не сможет их употребить. Кроме того, существует представление, что если не конкретизировать адресата пищевых даров, в потустороннем мире его не допустят к трапезе. По словам информантов, при обращении к умершим они стараются называть все их категории (например, давно

⁸ По предположению Т. Г. Владыкиной и Г. А. Глуховой, чекé (от *чеканы/чекаськыны* — поминать/жертвовать) — архаизм, деэтимологизированное в современном удмуртском языке слово, которое означает словесную формулу-восклицание как начало поминальной молитвы, дублирующее акциональный сигнал вызывания душ предков (подробно см.: [Владыкина, Глухова 2011, 137–138]). Вероятно, с этой же трактовкой связаны другие приведенные локальные варианты термина.

умершие, недавно умершие, покончившие жизнь самоубийством, убиенные, безродные, безымянные дети, не похороненные на деревенском кладбище) или просят объединиться всех предков и принять к своей трапезе тех усопших, которых они не смогли/забыли назвать. При этом считается, что совершать пищевые подношения для душ самоубийц не имеет смысла, поскольку *соослы иназ, пе, уг мыны* (для них, мол, <поминальная трапеза> не в пользу идет). В 2016 г. один из авторов данной статьи был свидетелем того, как одна женщина остановилась перед воротами кладбища и накрошила еду, обращаясь к покончившему жизнь самоубийством родственнику. Свои действия женщина объяснила тем, что раньше наложивших на себя руки покойников хоронили за оградой, поэтому и поминальные жертвы и дары нужно приносить им за оградой кладбища, чтобы они могли дойти до адресата. Хотя такая практика погребения уже давно не проводится, обычай поминания за пределами кладбища сохранился. В традиции южных удмуртов на периферии кладбища обряд *куяськён* принято совершать также для умерших на чужбине (подробно см.: [Анисимов 2017, 191]). Так, Н. В. Анисимов не раз был свидетелем того, как во время посещения кладбища на 9 мая в д. Дубровский Киясовского района Удмуртии несколько пожилых женщин после выхода с территории крошили еду за оградой и поминали своих близких и знакомых, не похороненных на этом кладбище. Местом принесения пищевых даров умершим могут служить и места гибели людей, сами кладбища, локусы, включенные в похоронно-поминальные ритуалы. Сохраняется обычай пищевых подношений перед дальней дорогой, а также в случае прохождения мимо этих мест — чтобы духи умерших благоприятно воздействовали на живых и не наказывали. Пищей как бы откупаются от представителей иного мира.

Совершая *куяськён*, сами акторы должны пробовать пищу и питье, предназначенные умершим. Такое действие символизирует совместную трапезу с покойными/предками. Считается, что «пища мертвых»

обладает оздоровительными свойствами. Так, у южных удмуртов во время поминок или поминального подношения сладости из числа этих даров дают детям со словами: «*Сие, сие пиньды уз виссы ни*» (Ешьте, ешьте, ваши зубы больше не будут болеть). В настоящее время фиксируются сведения об отказе от употребления данной пищи и питья из-за брезгливости информантов или вследствие угасания традиции.

Во время поминальной трапезы или при совершении обряда *куяськён* большое значение имеет облачение участников. В традиции закамских удмуртов перед началом ритуала принято надевать верхнюю одежду / пиджак / кофту; не должны оставаться открытыми руки до кистей и ноги, у женщин на голове должен быть платок, у мужчин — головной убор. После совершения поминальной акции участники могут снять верхнюю одежду, мужчины — головной убор, а женщины должны оставаться в платке. Считается, что если родственники покойных не облачаются таким образом, то умершие не способны их увидеть и услышать. У южных удмуртов верхнюю одежду и головной убор надевают лишь во время *куяськён*'а. Кроме того, информанты из Киясовского района Удмуртии отмечают, что тот, кто совершает обряд *куяськён*, должен быть подпоясан (*кус керттэмьин луыны кулэ*). При выносе поминальных даров у закамских удмуртов используются рукавицы, при этом левую рукавицу надевают на правую руку, а правую — на левую. У южных удмуртов во время поминального жертвоприношения покойному родителю *йыр-пыд сётён* на заключительном этапе проводов души (*келиськён/кельтйськён*) дары отвозят переодетый в невесту мужчина и переодетая в жениха женщина.

Определенные правила существуют также для пищевых подношений на кладбище. Традиционно сюда берут вареные куриные яйца (на весенние поминки — крашенные яйца⁹; в д. Асавка Балтачевского района Башкирии принято приносить именно три вареных яйца), крупу, выпечку, хлеб, домашний (-е) квас/пиво, кумышку. Могут нести на кладбище и различные блюда

⁹ Согласно народным воззрениям, весенние поминки — это Пасха мертвых (*кулэмгёслэн Будзынналзы*). Отсюда возможно использование пасхального блюда на этих поминках, с одной стороны; «весенние поминки, семейно-родовой праздник поминовения предков приурочены в настоящее время к Радонице», с другой стороны [Владыкина, Глухова 2011, 130].

или продукты, которые любил при жизни умерший. В настоящее время этот перечень увеличился за счет продуктов из магазина. Наиболее часто встречается поверье, что все принесенные пищевые дары нужно доесть и допить или ничего на кладбище, обратно домой ничего брать нельзя. Но при этом у части удмуртов-христиан из Удмуртии оставшиеся продукты можно возвращать домой. Более того, они считаются освященными, поскольку кладбище воспринимается как святое место упокоения умерших. У северных удмуртов оставшиеся пищу и питье принято забирать домой, а затем угощать ими членов семьи, не посетивших кладбище, и/или домашних животных [ПМ ГГ 2019]. В некоторых локальных традициях после посещения кладбища на Троицу приносят домой растущие там травы, а потом используют их для заваривания настоев и чая. У некрещеных удмуртов таких сведений обнаружено не было, но некоторые информанты из этой группы отметили, что растущие на кладбище ягоды можно есть (у других групп удмуртов это категорически запрещается). Так, закамские удмурты полагают, что, если есть клубнику или землянику с кладбища, тоска по покойнику пройдет [ПМ НА 2017].

Полевые исследования показали, что практика пищевых подношений на кладбище имеет ареальные особенности. Например, в д. Карамас-Пельга Киясовского района Удмуртии *куяськён* следует совершать стоя, так чтобы могила была по левую руку, а надгробие — перед коммуникантом. В других поселениях этого района данного предписания обнаружено не было. У удмуртов Закамья пищевые дары бросают через ограду, которая, как правило, имеется у всех могил. Жидкости льют на могильную насыпь, иногда наполняют ими чашки/стопки, располагающиеся рядом с надгробием. У южных удмуртов пищевые дары крошат на могилу или на бумагу/ткань или — иногда — доску, которые специально для этого приносят с собой. Бросая принесенную крупу, могут обратиться со словами к покойным: «Тани, *жук пöзтэ! Ваньды огиньын сиеюэ*» (Вот, кашу варите! Все вместе ешьте-пейте). Сейчас на могилах удмуртских кладбищ нередко можно обнаружить тарелки, ложки, чашки и стопки, которые наполняются во время поминания. Этой

посудой может быть утварь, использовавшаяся умершим при жизни.

Рядом с некоторыми могилами имеются установленные столики и скамейки. На столике посетители могут разложить принесенные продукты и устроить поминальную трапезу. Во время массового посещения кладбища (например, на осенние и весенние поминки, Троицу, 9 мая) традиционно принято приходить не только на могилы своих близких, но и на могилы покойных родственников, друзей и знакомых. Посетителя могут пригласить и к импровизированному столу, чтобы он принял участие в поминовении и символической трапезе. По словам женщины-информанта из д. Дубровский Киясовского района Удмуртии, во время посещения кладбища также обязательно нужно сделать подношение и помянуть старосту-хранителя (*шай утись/усьтись/кузё/чаклась* — хранящий/открывающий/хозяин/блюстител ь кладбища) — первого человека, похороненного на этом кладбище (Зап. от Антонида Петровны Беспаловой, 1950 г.р. Соб. Н.В. Анисимов. 2015 г.) [ПМА 2015].

После посещения кладбища считается необходимым помыть руки и лицо сразу же после выхода за его пределы принесенной с собой водой из бутылок. Или это нужно сделать во дворе/дома.

ЛОКУСЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПИЩЕВЫХ ПОДНОШЕНИЙ И САКРАЛЬНЫЕ ПОСРЕДНИКИ

Особыми правилами регламентированы и действия, связанные с местами оставления пищевых даров, где важная роль отводится сакральным посредникам, доставляющим подношения в мир мертвых. Согласно народным представлениям, потусторонний мир располагается на западе/севере или в стороне низовья местной реки, поэтому дары, как правило, доставляются с ориентацией на эти пространственные маркеры. Емкость с подношениями опрокидывают в противоположную от себя сторону, таким образом указывается направление — в мир мертвых. В некоторых случаях дары относят в специальное поминальное место деревни, которое у разных групп удмуртов имеет различные названия: например, *курукя́н* (<место> бросания луба, <на котором мыли тело покойника>), *шелёп куя́н* (<место> бросания щепок, <оставшихся

от изготовления гроба>), *йыр-пыд сётон/ин(в)ты* (место отдавания головы и ног <животного>), *нимаз нюк* (особый/отдельный лог), *лы куян* (<место> бросания костей <жертвенного животного>), *куяськөн ин(в)ты* (место выбрасывания/отдаривания <поминальной жертвы>). Местом оставления поминальных даров могут служить и пограничные локусы: например, основание воротного столба (*юбб выжы*) [Кривошеев 2014, 54] или его вершина [Христолюбова 1995, 104], полевые ворота, ведущие на кладбище [Садиков 2008, 159].

Важную роль в передаче подношений умершим играют сакральные посредники, в качестве которых выступают в первую очередь животные и птицы (собака, курица/петух и различные дикие птицы), во вторую — сами живые люди. У локальных групп имеются свои ареальные особенности. Так, согласно последним экспедиционным сведениям, у южных удмуртов считается, что пищевые дары должны достаться диким птицам, но не бродячим животным. Собаку в качестве медиатора используют лишь в некоторых случаях: перед дальней дорогой ей кидают кусок хлеба и просят предков «дать счастливого путешествия и благополучного возвращения домой». После плохого сновидения, чтобы избежать несчастья, трижды обводят куском хлеба против часовой стрелки вокруг талии и бросают его собаке; выпавший молочный зуб дают собаке в мякише хлеба и т.д. В традиции удмуртов Татышлинского района Башкирии, как показали полевые исследования 2019 г., поминальные подношения в зависимости от поселения бросают курицам (с. Уразгильды), собакам (д. Петропавловка, с. Старокальмиярово) или диким птицам (д. Петропавловка, с. Уразгильды). В д. Асавка Балтачевского района Башкирии подношения разрешается давать тем собакам, которые на привязи (Зап. от Надежды Шамсияхметовны Хатиповой, 1946 г.р. Соб. Н.В. Анисимов, Р.Р. Садиков, Е. Тулуз. 2016 г.) [ПМ НА 2016]. Помимо этого, в д. Петропавловка и с. Старокальмиярово вместе с дарами выносят воду, оставленную после полоскания посуды, использованной для поминального застолья. По предположению Г.Е. Верещагина, «...через угощение птиц и собак угощаются, вероятно, души умерших, переселившиеся в животных»

[Верещагин 1997, 44]. Поедание животными и птицами пищевых даров служило знаком их принятия душами мертвых. Более того, «если собаки грызутся из-за этой пищи, много ворон и галок налетело — это значит, что потусторонние радуются угощению, принимают просьбы живых и исполняют их» [Миннихметова 2000, 36].

В роли посредников для передачи пищевых даров выступают и сами участники поминальных церемоний. По словам информантов, людей, пришедших на поминки, надо хорошо и досыта накормить, чтобы умерший/предки остались такими же сытыми и довольными. Считается, что все участники похорон и поминок должны обязательно участвовать в поминальной трапезе, иначе: 1) умершие могут наказать того, кто не ест; 2) умершие уйдут не поевши/не наевшись [Христолюбова 2013, 57]. В связи с этим во время трапезы присутствующих детей тоже просят попробовать все приготовленные блюда. В некоторых локальных группах у южных и закамских удмуртов на поминках устраивают отдельные трапезы для мужчин и для женщин, что в настоящее время встречается довольно редко.

Иногда, когда покойник снится с жалобами о голоде, его родственники угощают, например сладостями и выпечкой, одиноких людей, стариков, нуждающихся, лиц без определенного места жительства и детей. У удмуртов Закамья данный обычай подачи милостыни принято называть *хаёр/каёр/кайыр* (от татарского *хаер* — милостыня, подаяние). Считается, что, когда угощаемые ощущают насыщение и радость от получения гостинца, аналогичные чувства испытывает душа умершего на том свете.

ВЫВОДЫ

Анализ материалов полевых экспедиций и научных работ современных исследователей позволяет говорить о том, что пища занимает значимое место в современных поминальных практиках удмуртов. С момента приготовления до ритуального использования маркируется важная роль блюд в традиционной культуре. Включаясь в обрядовый контекст, помимо удовлетворения физических нужд человека пища служит важным элементом взаимоотношений с сакральным миром. Трапеза и угощение участников поминок символизируют священное единство живых и мертвых,

консолидируют все поколения рода. Поминок, являясь наиболее консервативной формой культуры, сохраняют архаичные воззрения, связанные с пищей и напитками.

Вместе с тем полевые исследования последних лет свидетельствуют о происходящих изменениях, которые коснулись практически всех сторон поминально-обрядовых действий. К домашним блюдам добавилась еда из магазина, а в некоторых локальных группах их вовсе перестали готовить. Привычные удмуртские ритуалы с пищей стали забываться, не практиковаться или даже искореняться под влиянием приобретающей все более широкое

распространение христианской традиции. Фиксируются случаи проведения поминок вне дома, что полностью видоизменяет сформировавшиеся за века логику и форму поминок. Сами носители удмуртской культуры стали отмечать, что традиции постепенно утасают или заменяются православными канонами, особенно в ареалах проживания удмуртов-христиан. Однако происходящие трансформационные процессы в современной поминальной традиции удмуртов информантами разных возрастов оцениваются по-разному: это зависит от мнения как отдельно взятой личности, так и сельского социума в целом.

Источники и материалы

Валентина 2016 — Валентина Кинлы вöсыськоно пичиысен кулэм нылпиос понна? [Кому молиться за детей, умерших во младенчестве?]. URL: <https://udmdunne.ru/2016/01/kinly-vsyaskono-pichiysen-kulehm-nylpios-ponna/> (дата обращения: 25.10.2019).

Верещагин 1997 — *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1 / Под ред. В.М. Ванюшева; Отв. за вып. Г.К. Шкляев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.

Кривошеев 2014 — *Кривошеев Л.* «Ми доры но лыктылйляам ук зеч гинэ но куноос...» [«К нам да пришли ведь добрые только да гости...»] // Кенеш. 2014. № 1 (толшор). С. 48–57.

ПМ ГГ — Полевые материалы Галины Глуховой.

ПМ НА — Полевые материалы Николая Анисимова.

ПМА — Полевые материалы авторов.

Улон сюресъёс 2019 — Улон сюресъёс [Дороги жизни]. Т. Владыкина. Ч. 2. 15.10.2019. URL: https://youtu.be/V4tTDY_eUoE (дата обращения: 26.10.2019).

Филиппова 2009 — *Филиппова А. О.* Дохристианские обычаи и православная культура в традиции удмуртов д. Сарсак-Омга Агрызского района Республики Татарстан: Вып. квалификационная работа / Науч. рук. Г. А. Глухова. Ижевск: УдГУ, 2009.

Шкляев 2013 — *Шкляев В.* Лул — пумтэм дунне [Душа — бескрайний мир]. URL: <https://udmdunne.ru/2013/06/lul-pumtem/> (дата обращения: 25.10.2019).

Шкляев 2015 — *Шкляев В.* Та дуннеын асьмеос куноос [В этом мире мы гости]. URL: <https://udmdunne.ru/2015/10/17169/> (дата обращения: 25.10.2019).

Шкляев 2016 — *Шкляев В.* Визьдыр — Инмарлэн кузьмез [Время поста — подарок Бога]. URL: <https://udmdunne.ru/2016/03/vizdyr-inmarlehn-kuzymez/> (дата обращения: 25.10.2019).

Исследования

Анисимов 2017 — *Анисимов Н.* «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2017.

Владыкин 1994 — *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.

Владыкина 2009 — *Владыкина Т.Г.* Языковые клише ритуализованных норм поведения удмуртов // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры: Сб. науч. ст. М.: ГРДНТ, 2009. С. 34–41.

Владыкина 2013 — *Владыкина Т.Г.* Поминальные обряды удмуртов: явное и неочевидное // Народная культура в слове и тексте: Сб. иссл. и матер. памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013. С. 32–37.

Владыкина, Глухова 2011 — *Владыкина Т.Г., Глухова Г.А.* Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011.

Волкова 2001 — *Волкова Л.А.* Домашние животные и птицы в магической практике удмуртов и бесермян // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия: Матер. конф. (Международная летняя школа. Глазов, 17–30 августа 2000 г.) / Отв. ред. Т.Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 22–46.

Миннихметова 2000 — *Миннихметова Т.Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.

Назмутдинова 2012 — *Назмутдинова И.К.* Символический образ хлеба в семейном этикете удмуртов // Вестник Челябинского университета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/simvolicheskij-obraz-hleba-v-semeynom-etikete-udmurto-1> (дата обращения: 10.11.2019).

Панина 2019 — *Панина Т.И.* Куясъкон (подношение/отдаривание) в практике врачевания удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 3. С. 421–429.

Садиков 2008 — Садиков Р.Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008.

Христолюбова 1984 — Христолюбова Л.С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984.

Христолюбова 1995 — Христолюбова Л.С. Калык сямъёсты чакласа: Дышетскисьёслы

краеведения юрттэт [Соблюдая народные традиции: помощь школьникам по краеведению]. Ижевск: Удмуртия, 1995.

Христолюбова 2013 — Христолюбова Л. Уд-дядиослэн сям-йылольёсы [Обряды и обычаи д. Карамас-Пельга]. URL: <http://elibrary.unatlib.ru/dspace/dsview.html> (дата обращения: 25.10.2019).

© Н. В. Анисимов, Г. А. Глухова, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Н. В. <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

PhD, научный сотрудник отдела фольклористики Эстонского литературного музея: Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуйзе, д. 42; тел.: +372 5555-64-59; младший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: +7 (462) 68-89-11; e-mail: kyldysin@yandex.ru

Глухова Г. А. <https://orcid.org/0000-0001-5885-2693>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета: Российская Федерация, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2; тел.: +7 (3412) 91-61-66; e-mail: galant@udm.ru

---

Food in Modern Commemorative Practices of the Udmurts

Nikolai V. Anisimov

(Estonian Literary Museum: 42, Vanemuise str., Tartu, 51003, Estonia;

Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences: 4, Lomonosov str., Izhevsk, 426004, Russian Federation)

Galina A. Glukhova

(Udmurt State University: 1, building 2, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russian Federation)

Summary. *This article examines the food code in the modern memorial practice of the Udmurts. It reveals the symbolism and semantics of the most important dishes; of the drinks served with the memorial meal; and of the actions performed with ritual food. Attention is focused on the preparation of national dishes, the methods of ritual offerings and consumption, on the places where gifts of food are sent, and on sacred intermediaries. In the Udmurt culture, ritual food still remains one of the key components of rituals aimed at communicating with the dead. Field observation of recent decades indicates changes related to the use of food at wakes. Along with the customary ritual food and drink, modern products may be included in the memorial practice. We have also observed the refusal to cook some traditional dishes and a failure to perform some customary wake practices. Such developments lead, on the one hand, to the gradual extinction of tradition, and on the other, to the introduction of Orthodox cultural norms.*

Key words: the Udmurts, commemorative rituals, ritual dishes, ritual drinks, sacred space, sacred intermediaries, food code.

Received: July 23, 2020.

Date of publication: September 25, 2020.

For citation: Anisimov N. V., Glukhova G. A. Food in Modern Commemorative Practices of the Udmurts. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 141–156. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.012>

References

Anisimov N. (2017) “Dialog mirov” v matritse kommunikativnogo povedeniya udmurtov [“Dialogue Between Worlds” Through the Lens

of Udmurt Communicative Behaviour]. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. In Russian.

Khristolyubova L. (2013) Uddyadioslen sya-mylyollessy [Rituals and Customs in Karamas-Pelga

Village]. URL: <http://elibrary.unatlib.ru/dspace/ds-view.html> (retrieved: 25.10.2019). In Udmurt.

Khristolyubova L. S. (1984) *Semeinye obryady udmurtov (traditsii i protsessy obnovleniya)* [Udmurt Family Rituals (Traditions and Renewal Processes)]. Izhevsk: Udmurtiya. In Russian.

Khristolyubova L. S. (1995) *Kalyk syamesty chaklasa: Dyshetskisesly kraevedeniya yurttet* [Respecting Folk Traditions: Assistance to School Students in Local History]. Izhevsk: Udmurtiya. In Udmurt.

Minniyakhmetova T. G. (2000) *Kalendarnye obryady zakamskikh udmurtov* [Calendar Rituals of the Eastern Udmurts]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. In Russian and in Udmurt.

Nazmutdinova I. K. (2012) *Simvolicheskii obraz khleba v semeinom etikete udmurtov* [The Symbolic Image of Bread in the Family Etiquette of the Udmurts]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/simvolicheskii-obraz-hleba-v-semeynom-etikete-udmurtov-1> (retrieved: 10.11.2019). In Russian.

Panina T. I. (2019) *Kuyas'kon (podnoshenie/otdarivanie) v praktike vrachevaniya udmurtov* [The *Kuyaskon* (Offering / Giving Away) in the Udmurt Practice of Healing]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 3. Pp. 421–429. In Russian.

Sadikov R. R. (2008) *Traditsionnye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya)* [Traditional Religious Beliefs and Rituals of the Eastern Udmurts (History and Modern Developmental Trends)]. Ufa: TSEI UNTs RAN. In Russian.

Vladykin V. E. (1994) *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [The Udmurts'

Religious and Mythological Picture of the World]. Izhevsk: Udmurtiya. In Russian.

Vladykina T. G. (2009) *Yazykovye klishe ritualizovannykh norm povedeniya udmurtov* [Language Clichés of Ritualized Udmurt Norms of Behavior]. In: *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir*. Vyp. 12: *Sotsial'nye i esteticheskie normativy traditsionnoi kul'tury* [Slavic Traditional Culture and the Modern World. Issue 12: Social and Aesthetic Norms of Traditional Culture]. Coll. of schol. articles. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. Pp. 34–41. In Russian.

Vladykina T. G. (2013) *Pominal'nye obryady udmurtov: yavnoe i neochevidnoe* [Udmurt Commemorative Rituals: The Obvious and the Not Obvious]. In: *Narodnaya kul'tura v slove i tekste* [Folk Culture in Word and Text]. Coll. papers in memory of V. V. Filippova. Syktyvkar: Izdatel'stvo Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 32–37. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. (2011) *Ar-god-bergan: obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya* [Ar-god-bergan: Rituals and Feasts in the Udmurt Calendar]. Izhevsk: Udmurtskii universitet. In Russian and in Udmurt.

Volkova L. A. (2001) *Domashnie zhivotnye i ptitsy v magicheskoi praktike udmurtov i besermyan* [Domestic Animals and Birds in the Magical Practice of the Udmurts and the Besermyans]. In: *Finno-ugorskaya fol'kloristika na poroge novogo tysyacheletiya* [Finno-Ugric Folkloristics on the Threshold of the New Millennium]. Mater. of the conf. (Intern. Summer School, Glazov, August 17–20, 2000). Ed. by T. G. Vladykina. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. Pp. 22–46. In Russian.

© N. V. Anisimov, G. A. Glukhova, 2020

ABOUT THE AUTHORS

Nikolai V. Anisimov <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

E-mail: kyldysin@yandex.ru

Tel.: +372 5555-64-59

42, Vanemuise str., Tartu, 51003, Estonia

PhD, Researcher, Folklore Department, Estonian Literary Museum

Tel.: + 7 (462) 68-89-11

4, Lomonosov str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

Junior Researcher, Department of Philological Studies, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

Galina A. Glukhova <https://orcid.org/0000-0001-5885-2693>

E-mail: galant@udm.ru

Tel.: +7 (3412) 91-61-66

1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Udmurt State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)